Всероссийская олимпиада по литературе
2014-2015 учебный год
Районный тур
10 класс

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Перед Вами два задания – сделать целостный анализ стихотворения (задание 1) и целостный анализ рассказа (задание 2). Выполните одно из них (на Ваш выбор). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Задание 1

А.К. Толстой

ПУСТОЙ ДОМ

Стоит опустелый над сонным прудом,
Где ивы поникли главой,
На славу Расстреллием строенный дом,
И герб на щите вековой.
Окрестность молчит среди мертвого сна,
На окнах разбитых играет луна.

Сокрытый кустами, в забытом саду
Тот дом одиноко стоит;
Печально глядится в зацветшем пруду
С короною дедовский щит…
Никто поклониться ему не придёт, –
Забыли потомки свой доблестный род!

В блестящей столице иные из них
С ничтожной смешались толпой;
Поветрие моды умчало других
Из родины в мир им чужой.
Там русский от русского края отвык,
Забыл свою веру, забыл свой язык!

Крестьян его бедных наемник гнетёт,
Он властвует ими один;
Его не пугают роптанья сирот…
Услышит ли их господин?
А если услышит – рукою махнет…
Забыли потомки свой доблестный род!

Лишь старый служитель, тоской удручён,
Младого владетеля ждет,
И ловит вдали колокольчика звон,
И ночью с одра привстаёт…
Напрасно! все тихо средь мертвого сна,
Сквозь окна разбитые смотрит луна,

Сквозь окна разбитые мирно глядит
На древние стены палат;
Там в рамах узорчатых чинно висит
Напудренных прадедов ряд.
Их пыль покрывает, и червь их грызет…
Забыли потомки свой доблестный род!
<1849?>

Задание 2

Юрий Нагибин

ИЗБА

В огромной коммунальной квартире с ее чуланами и боковушками, с бесконечным коридором, щедро населенным всевозможной заманчивой рухлядью, Митя больше всего любил кухню. Ее высоченный прокопченный потолок, чисто вымытый некрашеный пол, деревянные столы, источавшие запахи еды, чад и гарь, шум примусов – вечно деятельную, жаркую, громкую жизнь. Здесь царствовали хозяйки, неистовые и всесильные в создаваемом ими хаосе.

Треть кухни отхватила кафельная плита, богатая жаром, как пароходная топка. Когда ее топили, жар выгонял наружу рыжих тараканов, их давили каблуками, и сухие тараканы щелкали, как орехи в щипцах.

Особенно хороша была кухня в тяжелом блинном чаду на масленицу. У невидимых, шипящих, хлюпающих маслом сковородок мелькали голые локти хозяек, а временами вполоборота возникали из чада их пунцовые, упрело-страстные лица. Они переговаривались криком, словно вокруг бушевал шторм.

На кухне ссорились и мирились, бранились и смеялись; сюда с черного хода приходил пахнущий морозом и огуречным рассолом зеленщик, являлся точильщик высекать холодные искры из ножей, ножниц и топоров.

Но случались времена, когда кухня становилась печальным и, страшноватым местом. Об этом возвещал запах: острый, едкий, непохожий на все другие запахи квартиры, он нежданно-негаданно выползал из кухни. Было в нем что-то горьковатое и проникающе стойкое, его нельзя было выветрить никаким сквозняком.

Это был запах смазанных дегтем сапог, запах старой овчины, это был запах беды.

Когда Митя слышал этот запах, он знал, что для него пришла смутная и грустная пора. Его будут все время гнать из кухни, милое, легкое Катино лицо, теперь чужое, влажно-мятое, замкнется в горе, и не останется у нее других слов для Мити, кроме: «Не путайся под ногами!» Взрослые наглухо запрут перед Митей тот уголок мира, где они будут справлять хмурый праздник своего несчастья.

Став постарше, Митя узнал название беды:

– У Якова сгорела изба.

Яков был единственным деревенским братом Кати, вся остальная родня давно перебралась в город. Большой, рукастый, с голубыми слезящимися глазами и желтой щеточкой усов, он целый день сидел на кухне, потягивал все более жижеющий чай из самовара, трубно сморкался и без устали вырабатывал тот дегтярно-овчинный запах, который был первым вестником его приезда.

У Кати была небольшая чистенькая комната, украшенная искусственными цветами, с царственно-девичьей постелью, крахмальной, шелковой, пуховой, с ковровым диваном и качалкой. Но Яков уходил туда только на ночевку. Подобно Мите, он считал кухню единственно пригодным для дневного существования местом: тепло, духовито, и всегда есть кому поведать неторопливыми, спокойно-ладными словами о постигшей беде.

По вечерам на кухне собиралась родня, оттуда долго неслись тоскливые песни про догорающую лучину, про мачеху, изжарившую в печи детушек, про замерзающего в степи ямщика. А напоследок, как никогда сокрушительно, отчаянно и губяще, взрывал позднюю тишину старой московской квартиры неистовый «Сергей-поп».

Древняя крестьянская беда долго царила в квартире. Но вот оглушительно начинала хлопать крышка старого, кованного жестью сундука, где Катя хранила свои скромные сбережения, туго, поодиночке, раскошеливалась и вся родня. Тогда Яков истово прощался с жильцами и уезжал в деревню Конюшки под Михайловом строить новую избу.

Горел Яков удивительно часто. То поджог учинял его сосед и свойственник Егор, обделенный при дележе фруктового сада, то жившие при нем свояченицы, злобные старые девы, то по неряшливости – жена, то по беспечности – дети. Бывало, молния, пренебрегая деревьями и скворечней, находила низкую соломенную крышу его избы, бывало, уголек выпадал из подпечка на сухие и жадные к огню, как порох, березовые чурки. И тогда покорный, собранный и суровый Яков являлся в Москву за вспомоществованием. Родня ценила его за упрямую неудачливость и за то, что он умел по-мужицки строго держаться на уровне своего несчастья.

Изба эта долгое время оставалась для Мити чем-то загадочным и чудесным, словно заколдованный замок. Но однажды Катя взяла Митю на лето в деревню, и он глазам своим не поверил, когда оказалось, что могучий источник горя, «изба Якова» – просто жалкая лачужка. Маленькая, кривая, похожая на старый лапоть, она нелепо висела на краю

заросшего лопухами овражка, со сбитой набок, испревшей соломенной крышей и одутловато-взбухшими стенами.

В то лето шли дожди, изба, как губка, пропиталась влагой, ослизлая, сочащаяся, пахнущая гнилью, она была самым сырым местом в набрякшем от дождей рязанском просторе.

И все-таки она сгорела в конце лета, перед самым Митиным отъездом.

Митя со старшим сыном Якова ночевал в шалаше, в глубине яблоневого сада. Мальчики долго не могли уснуть, прислушиваясь к глухому, таинственному перестуку падалиц. Казалось, кто-то скачет по саду на тупых копытцах, то пугающе приближаясь к шалашу, то успокоительно отдаляясь. Они заснули, когда стволы яблонь выступили из тьмы, трава замерцала утренником и ночь стала нестрашной. Вскочили они от страшной тревоги, проникшей с дыханием в их сон: рассветную морозно-яблочную свежесть сада перебивал едкий запах гари. Сын Якова заплакал и побежал к дому, Митя – за ним.

Потрескивая, пуская язычки пламени, что-то догорало, дотлевало в обуглившемся остове избы. Цыкая на детей и не прекращая деревянного, лениво-тоскующего подвыва, хозяйка, обжигаясь, силилась выхватить из золы останки домашней утвари.

Прикурив, словно от уголька, от своей сгоревшей избы, дымил крепким самосадом спокойный, угрюмый Яков. Дрогли на рассветной студи и тихонько всхлипывали дети, будто чуя какую-то свою вину в горе взрослых людей. Жевала и отрыгивала корова с опаленным боком. Над овражком сутулились поникшие спины трех женщин: Кати и свояченицы. И над всем этим занималось робкой голубизной чистое пустое небо. Бежали дороги в опрозрачневшие дали, протоптанные людьми невесть когда, невесть зачем…

После этого пожара Яков долго не появлялся в Москве, и образ вечного погорельца поблек, а с годами и вовсе утратился в Митиной памяти. И он сам не мог понять своего волнения, когда в один из снежно-мглистых декабрьских дней первой военной зимы услышал острый и едкий запах, тянущийся из кухни. И хотя запах был против прежнего словно похудевший, Митя сразу решил, что это Яков. Верно, как и десять и пятнадцать лет назад, под рев скотины, голошенье баб, плач детей и матерные всхлебы мужиков занялась всем своим составом и дотла сгорела изба с упрелой до черноты соломенной крышей, кривыми стенами, насестом, хлевом, клетями и клетушками…

Мите стало мучительно жаль Якова: Катин сундук давно опустел по несытному военному времени, братья воевали на разных фронтах, а семьи их перемогались как могли. Вместе с жалостью к Якову им владело иное, грустно-нежное чувство: эта беда, так властно соединившая далекое прошлое с настоящим, вернула ему, быть может в последний раз, его детскую душу.

Яков сидел на табурете в черно-залосненном драном полушубке и подвязанных дратвой, щукасто ощеренных сапогах. От него осталось полчеловека, так он был худ, изможден, вылущен худой жизнью.

– Что, Яков, никак опять изба сгорела?

– Не сгорела. Враг спалил…

Отступающая из-под Рязани немецкая часть обогрелась, как у костра, возле подожженной избы Якова и ушла дальше, в вьюжную ночь.

Из вечно полнившегося влагой глаза, будто из синего болотца, брызнула к переносью маленькая слеза и покатилась по глубокой морщинке вкось щеки. В прежние времена Яков не позволял себе никакой слабости, даже слова жалостного от него не слышали. Но он отказывал чужеземцам в том праве, которое терпеливо признавал за своей русской крестьянской судьбой.

Яков только сейчас разглядел, что на Мите военная форма, чистая, необмятая, что у него ровные треугольнички в петлицах и ремень с блестящей медной пряжкой. И он пообещал новенькому сержанту, уходящему на войну, от себя и своей сгоревшей избы:

– Ничего, отстроимся.